

было бы оригинальное и твёрдое провинциальное самоуправление, чем разросшийся паук бюрократии»¹².

Обаяние Аксакова именно в том, что это классический «аристократ, пошедший в демократию», воплощающий самую суть рыцарского идеала – идею служения. Безусловно, с Леонтьевым у них был общий эстетический знаменатель. Но эстетическое чувство только усиливало подозрительное отношение Ивана Сергеевича ко всякой фальши. Об этом красноречиво свидетельствует его подтрунивание над С.Ф. Шараповым, написавшим своё письмо на «шикарном» именном бланке: «Как вверять секреты человеку, столь юному сердцем, что он не может писать на простой почтовой бумаге, как наш брат, человек зрелый, а украшает её затейливым рисунком своего имени и отчества! Не мог я не рассмеяться новой штуке, явленной Вами в Вашем письме!»¹³. Впрочем, распознав в Шарапове «медь звенящую и кимвал брянчащий», Аксаков не почувствовал той же пустоты в Н.И. Ашинове и М.Г. Черняеве. Склонность видеть вместо человека «тип» вообще нередко подводила воспитанных на немецком идеализме интеллектуалов той эпохи.

Дмитрий Бадалян: Биография удивительного человека

Dmitrii Badalian (The National Library of Russia): Biography of a strange person

Иван Сергеевич Аксаков был удивительный человек: несколько лет, по его собственным словам, не читал книг, поскольку не оставалось на них времени, а потом стал председателем Общества любителей российской словесности; в своём отечестве дослужился лишь до чина надворного советника, а в Болгарии его выдвинули кандидатом на княжеский престол; последние 10 лет жизни провёл в кресле директора правления банка, но не обзавёлся даже собственным домом, а жене завещал... расплатиться с его 15-тысячным долгом; умер, будучи редактором небольшой по тиражу еженедельной газеты, а проститься с ним пришли 100 тысяч москвичей и жителей других городов. Его идеи и деятельность, безусловно, требуют вдумчивого исследования, основанного на многочисленных документах, сохранившихся в архивах.

И вот появляется его биография. Но как... В течение полугода в двух петербургских издательствах («Русская мысль» и «Владимир Даль») вышли две книги, у которых один автор, одно название (во втором лишь слово «отцы» взято в кавычки), но содержание существенно отличается. Первая освещает жизнь Аксакова до 1878 г. и состоит из трёх частей, каждая из которых в свою очередь делится на две главы, и заключения. Во втором издании появилась седьмая глава «Последние годы» (с. 552–615). Кроме того, оно снабжено несколькими блоками «документальных приложений»: «А», «В» и «С» вставлены в середину книги (с. 221–268, 306–334, 546–551), а «D» – после заключения. Наконец, после «документального приложения D» помещено просто «приложение», в котором собраны некоторые статьи автора (с. 717–775). Объяснить такое «раздвоение» сможет, пожалуй, только искушённый человек, усвоивший железное правило: своевременный отчёт перед грантодателем важнее уважительного от-

¹² Фетисенко О.Л. Переписка К.Н. Леонтьева и С.Ф. Шарапова (1888–1890) // Русская литература. 2004. № 1. С. 125.

¹³ Фетисенко О.Л. Переписка И.С. Аксакова и С.Ф. Шарапова (1883–1886) // Там же. 2005. № 1. С. 173.

ношения к потенциальным читателям. Достойно сожаления и то, что оба издания вышли без участия редактора и корректора.

В самом начале книги (в обоих её вариантах, но далее ссылки даются на более полную вторую версию) автор предупреждает, что, вопреки своему подзаголовку, она «не является ни подробной биографией Ивана Аксакова, ни систематическим изложением его взглядов» (с. 3). Свыше 600 страниц потребовалось лишь для того, чтобы исторично «очертить личность»...

Жизнь и взгляды Аксакова раскрываются автором преимущественно хронологически. Однако в четвёртой главе он по не совсем понятной причине отступает от этого принципа, чтобы сосредоточиться на рассуждениях об аксаковской «теории общества» и о том, какие позиции Иван Сергеевич занимал при обсуждении польского и украинского вопросов, а также церковных проблем. Деятельность Аксакова в 1869–1879 гг. характеризуется в пятой и шестой главах («Промежуток» и «Война»). Но составляют ли годы Восточного кризиса особый этап в биографии Аксакова и следовало ли делить надвое этот, казалось бы, единый период? Тогда, возможно, и Крымская война, ещё радикальнее изменившая его деятельность (сперва он надел военную форму, а после занимался расследованием преступлений интендантов), заслуживает хотя бы отдельного раздела? И почему газета «Русь», издававшаяся Аксаковым на год дольше, чем «День», растворилась в главе «Последние годы»? Вероятно, на структуру книги влияли не только концептуальные соображения, но и объём имеющегося у автора материала. К примеру, говоря об истории газеты «Москва», отстаивавшей интересы отечественных предпринимателей, писавшей о положении Остзейского края, полемизировавшей с «аристократической» «Вестью» и проч., он останавливается исключительно на столкновениях её редактора с цензурой, которые многократно освещены в публикациях, начиная с самого Аксакова¹⁴ и до С.В. Мотина. Между тем целый ряд работ В.А. Китаева, В.А. Кошелева, В.И. Пороха, И.А. Симоновой, М.А. Сташнёвой и др. в книге Тесли не упоминаются даже в библиографическом списке. Большая часть информации о «Руси» взята автором из писем Аксакова (что прекрасно!), однако использование без должной критики произведений С.Ф. Шарапова и А.И. Кошелёва чревато тиражированием старых мифов.

То, что в книге названо «промежутком», для Аксакова было временем серьёзной общественной деятельности и неожиданной популярности. Как-то весной 1874 г., когда жены не было в Москве, он, чтобы не тратиться на съёмную квартиру, решил остановиться в «Славянском базаре» в номере за 1.5 руб., но поскольку тот оказался ещё не убран, ему предложили подождать в свободном и более дорогом (за 9 руб.). Осмотревшись в этих апартаментах, Аксаков обнаружил, что их украшают два гравированных портрета – М.Е. Салтыкова (Щедрина) и... его собственный. Выкурив сигару и спрятав улыбку, он отправился в подготовленное для него скромное помещение¹⁵.

Пожалуй, именно с «Промежутка» автор начинает злоупотреблять монтажом огромных (на полстраницы, а потом на страницу и более) цитат, между которыми едва звучит его речь, постепенно сводясь к двум–трём фразам, необходимым лишь для того, чтобы «склеить» прежний «кусочек» с новым. Читатель мог бы утешиться необычным богатством источников, но небрежность,

¹⁴ Судебный процесс газеты «Москва» // Русь. 1881. 21 ноября. № 54. С. 13–16; 28 ноября. № 55. С. 5; 5 декабря. № 56. С. 14–16; 12 декабря. № 57. С. 11–14; 19 декабря. № 58. С. 10–14.

¹⁵ РГАЛИ, ф. 10, оп. 1, д. 235, л. 72.

проявленная при подготовке «документальных приложений» (особенно писем И.С. Аксакова к М.О. Кояловичу), заставляет усомниться в точности их воспроизведения.

Излагая религиозные взгляды Аксакова, Тесля исходит из того, что «православие было для Аксакова “частью быта”» (с. 382). При этом он ссылается на мнение В.М. Лурье (давнего критика «либеральных» богословских идей А.С. Хомякова), пишущего не только о бытовой и будто бы поверхностной религиозности славянофилов, но и о том, что именно «вопрос о *сути* русского Православия» разделил их с К.Н. Леонтьевым, для которого они оказались «слишком либеральными», а потому причастны к грядущей победе «революционной лжерелигии». Леонтьев и последовавший за ним Л.А. Тихомиров, как считает Лурье, выбирая «между Православием и Россией», выбрали православие, а для славянофилов связь между Россией и православием оставалась неразрывной¹⁶. Конечно, в повседневной жизни славянофилы не отделяли Россию от православия, но они вовсе не превращали её в кумир. Так, в середине июля 1880 г. в письме к Кошелёву Аксаков заявлял: «“Британские интересы” высшая истина для британца. Vale[a]t Britan[n]ia, et pereat mundus¹⁷. Ни у кого из нас не повернётся язык сказать это, не только вслух, но и про себя»¹⁸. Более того, ещё в 1855 г. в «Записке о внутреннем состоянии России» К.С. Аксаков предсказывал «революционные попытки, которые сокрушат, наконец, Россию, когда она перестанет быть Россией»¹⁹. Иван Сергеевич продолжил его дело и в мае 1881 г. впервые опубликовал «Записку» брата. И не случайно, уже в XX в., В.В. Зеньковский отмечал, что И.С. Аксаков задолго «предугадал опасность катастрофы русской революции»²⁰. Причём не только предугадал, но и вступил с нею в борьбу, хотя автор «Последнего из “отцов”» почему-то это игнорирует.

Вместе с тем Тесля разделяет сложившееся в историографии представление, будто в конце своей жизни Иван Сергеевич сблизился с консерваторами. Он даже приводит слова Шарапова, согласно которым «за всё время издания “Руси” не было ни одной полемической статьи Аксакова, направленной прямо по адресу выдающихся газет “охранительного лагеря”» (с. 590–591). На самом деле, достаточно полистать подшивки «Руси», чтобы обнаружить полемику с «Московскими ведомостями», «Русским вестником», «Гражданином», а в последний год и с «Санкт-Петербургскими ведомостями», «Новым временем» и официальной газетой МИД «Journal de St-Petersbourg». Автор книги категорично утверждает: «Манифест 29 апреля 1881 г., отставка, постигшая министров “либерального направления”, и назначение на пост министра внутренних дел графа Н.П. Игнатьева, старого знакомого Аксакова, с которым он поддерживал отношения с начала 1860-х гг., были восприняты им весьма позитивно» (с. 577–578). Сообщая о манифесте сестре, Иван Сергеевич действительно отметил, что, написав его, Победоносцев «оказал этим великую государственную услугу» (с. 578). А вот с «либеральными министрами» дело обстояло не-

¹⁶ Лурье В.М. Протрезвление от славянофильской утопии: К.Н. Леонтьев, Л.А. Тихомиров и их выбор между Православием и Россией // Феномен российской интеллигенции. История и психология: Материалы международной научной конференции. 24–25 мая 2000 г., Санкт-Петербург. СПб., 2000. С. 58, 62.

¹⁷ «Да здравствует Британия, и да погибнет мир» (лат.). Аллюзия на крылатое выражение «Да свершится правосудие, даже если погибнет мир».

¹⁸ ИРЛИ, ф. 3, оп. 2, д. 20, л. 120 об.–121.

¹⁹ Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды. М., 2010. С. 244.

²⁰ Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. М., 2005. С. 65.

сколько сложнее. В апреле 1881 г., сразу после увольнения Н.С. Абазы с поста начальника Главного управления по делам печати и незадолго до отставки гр. М.Т. Лорис-Меликова, Аксаков отметил в своей газете, что эти государственные деятели стремились «не только допустить, но даже вызвать открытую, *возможно-свободную* литературную борьбу уже существующих в обществе взаимнопротивоположных мнений и направлений». «Эту мысль, – добавил он чуть далее, – мы признаём безусловно верною»²¹. В следующем году Аксаков вступил в спор с Н.А. Любимовым, провозгласившим, что 1 марта, когда был убит Александр II, «Промысел Божий» спас общество от шага, который мог иметь роковое значение²².

Гр. Игнатъев действительно был единственным министром внутренних дел, близким Аксакову по своим взглядам. Именно этим объясняются их давние отношения, а не наоборот. С «долговременным личным знакомством с императором» (с. 594–595) автор книги связывает и якобы привилегированное положение Аксакова в русской журналистике в 1880-е гг. По словам Тесли, первый конфликт редактора «Руси» с цензурой произошёл только в ноябре 1885 г. (с. 606). Но если не сводить всё к вынесенному газете цензурному предостережению, придётся признать, что столкновения начались значительно раньше – ещё в июне 1881 г., вскоре после того, как гр. Игнатъев возглавил МВД²³. Не облегчало Аксакову жизнь и ещё более давнее знакомство с К.П. Победоносцевым (они были на «ты») и гр. Д.А. Толстым. В 1882 г. именно Победоносцев просил о наказании аксаковской газеты, а в 1885 г. он лично составил вместе с гр. Толстым текст предостережения «Руси». Наконец, спустя полтора года после смерти «привилегированного» журналиста А.Ф. Аксакова говорила О.Ф. Миллеру, что её мужа «убило окончательное разочарованье в том, кому вверена нынче судьба России и в честность и русское чувство которого он долго не переставал верить»²⁴. Речь шла об Александре III.

Самая стройная, проникнутая единой интонацией и общей идеей, часть книги – её заключение. По сути, это скорее колоритный психологический этюд, очерк или эссе – что и обещал в самом начале автор. Аксаковский энтузиазм, по выражению Тесли, был «несколько искусственного рода» и возникал «в результате “самовозгонки”» (с. 618). Хорошо ещё, что он не назван фанатическим. Тут же, окинув беглым взором всю разнообразную деятельность Аксакова, автор констатирует: «Собственно, яркой удачи – ни одной». Но что считать критерием удачи? Ведь не для карьерного успеха Аксаков писал ночи напролёт, не для того рвал сердце в противоборстве и с властью, и с социалистами, и с либералами.

А для чего или почему? Для ответа на этот вопрос потребуются, вероятно, другие книги. А Тесли удивительная психологическая устойчивость Аксакова интересуется гораздо сильнее, чем те жизненные цели, которые долгие годы под-

²¹ Русь. 1881. 18 апреля. № 23. С. 2.

²² Русь. 1882. 26 июня. № 26. С. 3.

²³ Бадалян Д.А. Газета И.С. Аксакова «Русь» и цензура // Русская литература. 2006. № 1. С. 94–115.

²⁴ РГАЛИ, ф. 1380, оп. 1, д. 6. Это тот самый Миллер, который, как пишет А.А. Тесля, вместе с Шараповым подготовил собрание сочинений Аксакова (с. 590, 615). Однако автор не объясняет, как Миллер мог сделать это, находясь в Петербурге, да ещё будучи в неприязненных отношениях с Шараповым (см.: Бадалян Д.А. О составителе посмертного собрания сочинений И.С. Аксакова и предисловия к его первому тому // Аксаков И.С. Собрание сочинений. Т. 1. Кн. 2. С. 669–672).

держивали и оправдывали его упорство. Разумеется, он их не достиг, да и не мог достигнуть, поскольку всегда ставил перед собой высшие, недостижимые задачи.

И точно так же не имели «ярких удач» ни его брат Константин, ни Хомяков, ни братья Киреевские. Однако, как писал после их смерти А.И. Герцен: «Долго ли, коротко ли они жили, но, закрывая глаза, они могли сказать себе с полным сознанием, что они сделали то, что хотели сделать, и если они не могли остановить фельдъегерской тройки, посланной Петром и в которой сидит Бирон и колотит ямщика, чтоб тот скакал по нивам и давил людей, — то они остановили увлечённое общественное мнение и заставили призадуматься всех серьёзных людей»²⁵. В сущности, верно, хотя вскоре после этих слов, с 1860-х гг., поскакали по нивам, обгоняя Бирона, иные тройки, которыми правили уже наследники Герцена. И недаром в 1872–1873 гг. кн. А.И. Васильчиков писал об И.С. Аксакове: «Глубоко религиозный и нравственно безупречный, он своим авторитетом, более чем пером, противодействовал нигилистическому направлению»²⁶. Быть может, в этом и заключалась его главная роль?

Анна Хорошева: От славянофильства к панславизму

Anna Khorosheva (Lomonosov Moscow State University, Russia): From slavofilism to panslavism

И.С. Аксаков — публицист, поэт и общественный деятель — поражает любого, кто сталкивается с его творческим наследием, масштабностью своей натуры. В нём сочетались страстная потребность служить высшей цели, глубокая нравственность и импульсивность, заставлявшая его без оглядки на обстоятельства совершать во имя идеи необдуманные поступки. Но, хотя значимость его фигуры не вызывает сомнений, судьба Ивана Сергеевича редко привлекала внимание историков. Поэтому труд А.А. Тесли не может не вызвать интереса. Ведь, по сути, после книги Н.И. Цимбаева, вышедшей несколько десятилетий назад²⁷, это едва ли не первая попытка монографического исследования взглядов и деятельности одного из наиболее заметных идеологов пореформенного времени. Но если Цимбаев раскрывал их особенности и значение, анализируя прежде всего важнейшие публикации аксаковских изданий («Парус», «День», «Москва», «Русь»), и в значительно меньшей степени привлекал эпистолярные материалы, то Тесля, напротив, опирается преимущественно на огромный массив переписки Ивана Сергеевича, что позволило придать книге очень личный и несколько лиричный характер. Читатель привыкает не просто сочувствовать Аксакову, но и видеть происходившие события его глазами. Его переживания, поиски смысла жизни и выхода из различных ситуаций предстают как рассказ кого-то из близких друзей. Тесля же лишь даёт небольшие комментарии, соединяя пространные цитаты из писем Аксакова и его современников. Всё это помогает понять характер существовавших тогда в обществе взаимоотношений, с их условностями, правилами приличия и постепенно уходившей патриархальностью.

Вместе с тем этот же подход лишает автора монографии возможности подняться над суждениями мыслителя и увидеть причины его злоключений, обид

²⁵ Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 15. М., 1958. С. 9.

²⁶ Васильчиков А.И. Тайная полиция в России // Христофоров И.А. Указ. соч. С. 355.

²⁷ Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978.